

УДК 81.27-81-28
DOI: 10.17223/19986645/54/2

М.Б. Бергельсон, А.А. Кибрик

РУССКИЙ ЯЗЫК НА БЕРЕГАХ ЗАЛИВА КУКА: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ¹

Описан долговременный проект по изучению современного состояния аляскинского варианта русского языка с особым вниманием к результатам последних экспедиций 2014 и 2017 гг. Исследование аляскинского извода русского языка дополняет мозаичную картину русского языкового разнообразия. Так как данный вариант русского языка находится в крайне угрожающем состоянии (осталось менее 20 носителей в возрасте восьмидесяти и более лет), то его документирование, описание условий формирования, а также прослеживание его истории на протяжении более двухсот лет существования является важной и насущной задачей.

Ключевые слова: русский язык, Аляска, документация исчезающих языков, культурная самоидентификация, процессы креолизации.

Введение

С середины XVIII в. по 1867 г. происходила русская колонизация Аляски. Она протекала в нескольких измерениях. В первую очередь речь шла об экономическом освоении территорий, направленном на добычу пушнины, что вовлекало в эту деятельность различные автохтонные народы Аляски: изначально алеутов, населявших Алеутские острова, а затем и эскимосов, и атабасков, проживавших на территориях, близких к центрам экономической деятельности русских промышленников. Эта деятельность неизбежно вела к социокультурным сдвигам, закономерным при межкультурной коммуникации представителей более технологически развитой культуры колонизаторов и автохтонного населения. Как и везде, эти сдвиги были достаточно резкими, вынужденными. Но во многом они были смягчены, а затем и упрочены в результате цивилизаторской деятельности русской православной миссии на Аляске и принятия православия многими этнокультурными группами населения. Последствия цивилизационного влияния Русской Америки на автохтонное население Аляски проявляются и в XXI в., во-первых, в сохранении православия и связанной с этим духовной и материальной культуры, а во-вторых, в истории существования особого диалекта русского языка, служившего в Русской Америке средством межкультурного общения.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01649).

Паства православной церкви на Аляске к середине XIX в. представляла собой четыре социокультурные группы. Во-первых, это были российские граждане, служащие Российской-американской компании, как штатские, так и военно-морские офицеры. Вторую группу составляли *колониальные граждане*. Так с 1835 г., когда было официально учреждено «свободное сословие колониальных граждан», назывались «вольнонаемные русские мещане и крестьяне, находящиеся в американских колониях по найму компании, кои женились на креолках и алеутках» [1. С. 57]. Третья группа – креолы, которыми в Российской Америке и позднее в целом на Аляске «называли людей, родившихся от браков русских с местными уроженками. В 1821 г. их причислили к подданным России и освободили от повинностей и уплаты налогов» [Там же]. И наконец,aborигены Аляски, представители разных этноязыковых сообществ – алеуты, эскимосы и атабаски, принявшие православное крещение. Первые три группы – это носители особого диалекта русского языка. Его уместно назвать реликтовым диалектом, поскольку на данный момент мы можем наблюдать лишь его осколки (или даже только следы) в качестве исчезающего средства коммуникации, языка детства, старшего поколения жителей деревни Нинильчик.

Кто такие креолы

По совокупности признаков русский язык на Аляске представляет собой остаточный диалект (или группу диалектов). Это язык потомков русских поселенцев на Аляске, которые в большинстве были сотрудниками Российской-американской компании. В течение многих десятилетий они смешивались с коренным населением этого региона, образовав особую этническую группу, точнее – сословие «креолов». Весьма вероятно, что особая форма русского языка, выработанная ими, могла быть их социальным маркером, в этом смысле – социолектом. Кроме того, аляскинский русский может содержать контактные признаки, возникшие в результате взаимодействия с коренными языками Аляски, такими как алеутский и алютик (юпикская группа эскимосско-алеутской семьи). Креолы являлись православными христианами, они сохранили свои религиозные и культурные ценности в последующих поколениях (фото 1). Это, в свою очередь, также способствовало сохранению русского языка их предков, несмотря на неблагоприятные условия англоязычного окружения. Более того, оказалось, что после того как Аляска перешла под американское управление, и православие, и русский язык стали для креолов важнейшим средством самоидентификации и воспринимались ими (а также пришлым населением) как важнейшая часть местной, традиционной, коренной культуры [2]. Промежуточное положение между русскими и аборигенами позже сменилось промежуточным положением между белыми американцами и коренным населением. Но если статус креолов Российской-американской компании давал им ряд привилегий, фактически открывая разные образовательные и карьерные возможности, то в американскую эпоху – вплоть до

1924 г., они стали просто «местными», т.е. «не-американцами», будучи приравнены в этом к коренным жителям чисто атабаскского, эскимосского и алеутского происхождения. И это несмотря на религиозную принадлежность, русские имена и фамилии, язык и образ жизни, выделявшие их из массы местного населения.

Фото 1. Церковь Преображения Господня в д. Нинильчик

Язык креолов

Русский диалект потомков русских поселенцев сохраняется по настоящее время в нескольких населенных пунктах Аляски, из которых главным является деревня Нинильчик на полуострове Кенай. Носители русского языка относятся к старшей возрастной группе (как правило, старше 80 лет) и, за редкими исключениями, используют английский язык как предпочтительное средство общения. Русский диалект современной Аляски относится к крайне «угрожаемым» языковым формам и требует незамедлительной документации.

Поселение Нинильчик было основано на Кенайском полуострове в 1847 г., вскоре после посещения Кеная православной миссией (1844 г.) (рис. 1). Не с первой попытки, но всё же оно стало местом, где пенсионеры Российской-американской компании стали селиться со своими семьями, открывая тем самым новую главу существования русской культуры и русского языка на Аляске.

Рис. 1. Полуостров Кенай с проходящим вдоль него шоссе Стерлинг, заканчивающимся в г. Хомер

После продажи Аляски Соединённым Штатам Америки в 1867 г. жители Нинильчика около двадцати лет провели в полнейшей изоляции. За это время ни один корабль не заходил в эти воды, что не могло не сказаться на том, как в условиях такой изоляции и столь незначительной группы носителей развивался местный вариант русского языка. Чуть позже изоляция была нарушена усилиями Русской православной церкви, открывшей в 1893 г. в городе Кенай в 40 километрах от Нинильчика последнюю по времени церковно-приходскую школу при Церкви Успения Богородицы (*Holy Assumption of the Virgin Mary Russian Orthodox Church*).

Школа, которая способствовала сохранению в том числе и русского языка, просуществовала до 1917 г. Уже в 1910-е гг. в Нинильчике была открыта американская школа с преподаванием на английском языке. Детям, посещавшим школу, запрещалось говорить на «дьявольском наречии», которое в нинильчикском случае означало русский язык. Как и во многих таких ситуациях, на территории США и в ряде других мест (включая Советский Союз), где в XX в. местное население подвергалось насильственному отлучению от родного языка, произошел довольно резкий слом всей системы функционирования местного, русского, языка с переходом младшего поколения на английский.

Строительство в 1950 г. Стерлингского шоссе через Нинильчик (см. рис. 1), сделавшего Кенайский полуостров местом, доступным для отдыха туристов, окончательно уничтожило экологическую нишу существования уникального русского диалекта.

Фото 2. Надпись на воротах при входе в православную церковь в г. Кенай

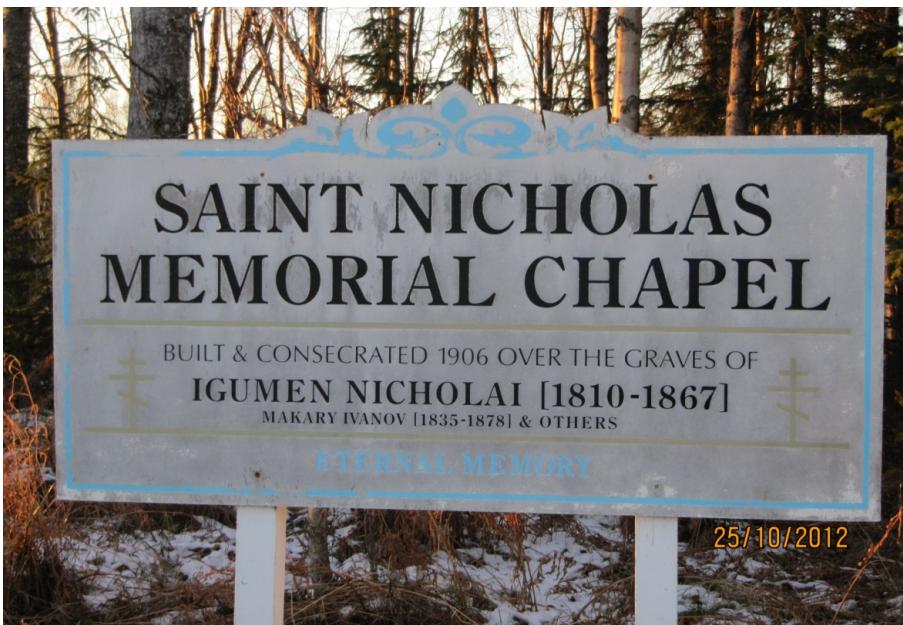

Фото 3. Часовня Св. Николая в г. Кенай

Сейчас об особой судьбе Нинильчика, скорее, рассказывают фотографии церкви Преображения Господня, ставший уже широко известным благодаря тиражированию его в Интернете стенд на русском языке на дороге при въезде в поселок, а также – фамилии его обитателей: Осколов, Квасников, Де-

мидов. При более близком знакомстве с его старшими обитателями на слуху оказываются крестильные имена – Мавра, Аграфена, Леонтий.

Аляскинский русский

Один из главных магистральных вопросов лингвистического описания нинильтчика диалекта русского языка заключается в том, является ли он одним из «осколков» той языковой системы, которая служила *lingua franca* для Русской Америки? Был ли это язык (диалектный континуум), общий для всех креолов Аляски, язык, фактически определивший само существование этой социокультурной группы?

В нашей работе по документированию аляскинского русского мы исходим из такого способа изучения разнообразия форм одного языка, при котором жёсткие границы между региональными, социальными и контактными формами признаются необязательными (ср. [3]).

Формы русского языка на Аляске – как исторические, так и современные – почти неизвестны отечественной науке. При этом представление о варьировании русского языка и разнообразии его существования, безусловно, не может быть полным без учёта аляскинской составляющей. Исследование аляскинского извода русского языка дополняет мозаичную картину русского языкового разнообразия, включающего ряд ныне исчезнувших русских пиджинов, языков алеутов о. Медный, а также активно изучаемых в последнее время русских идиомов, используемых эмигрантами в разных странах мира и недавними иммигрантами в Россию [4, 5].

Наше исследование даёт возможность по-новому оценить влияние России на исторические, культурные и языковые процессы Нового Света. Наконец, изучение форм русского языка на Аляске представляет самостоятельный интерес с точки зрения описательной лингвистики и русистики, поскольку там засвидетельствованы некоторые фонетические, грамматические и лексические процессы, нигде более на русском языковом пространстве не отмечаемые. К ним относятся исчезновение корреляции по палатализации в ряде позиций, значительная деградация женского рода, заимствования из коренных языков Америки, семантические и формальные трансформации лексики, а также некоторые другие – ср. (1) – (4):

- (1) *Náshiy láyda kras'íway* – ‘Наш берег (пляж) красивый’.
- (2) *u nas bul takúy lámpa* – ‘у нас была такая лампа’
- (3) *béyb'ichka nag'ishkóm pr'ishól* – ‘ребенок пришел раздетый’
- (4) *an'i parátk'im n'i gawar'út ya dúmayu* – ‘они неправильно говорят, я думаю’

Системное описание фонетики, грамматики и лексики современных форм аляскинского русского представлено нами в [6]. Помимо описанных там явлений, таких как палатализация всех согласных (кроме /l/) перед /i/, особые правила согласования по роду, значительное число диалектных (в том числе социолектных и устаревших) лексем, восходящих к разным диалектным группам континентального русского, а также наличие слов и фра-

зем, возникших в период самостоятельного развития (см. примеры выше), можно отметить отличную от стандартного русского систему видовых противопоставлений и особую падежную систему с нейтрализацией (утерей?) падежных противопоставлений, характерных для стандартного русского языка, а также отсутствие грамматического рода у существительных, объясняющее особенности согласования – см. некоторые примеры в (5) – (6).

(5) *i nas n'é bul mashina b'il'ó st'irát'... m'i st'irál'i na t'órk'i...* – ‘у нас не было стиральной машины, (чтобы) белье стирать ... мы стирали на доске...’

(6) *swar'il'i... sa s saharam... drugoy ras an'i ih pr'ama ub'iral'i... patom posl'i ih swar'il'i... i mozhna bula pai zd'elat'* – ‘варили с сахаром... в других случаях они прямо (так) хранили... потом после их варили... и можно было ягодный пирог сделать’

История изучения нинильчикского русского и словарный проект

В области изучения русского языка Аляски первые результаты были получены ирландским лингвистом Конором Дейли (Conor Daly) в 1980-х гг. Он обнаружил основные социолингвистические и грамматические факты относительно языка, собрал некоторые текстовые материалы. Копии этих материалов хранятся у известного слависта Джоханны Николос в университете Беркли, и в ходе реализации данного проекта мы получили доступ к этим материалам, которые Дейли оцифровал и предоставил в наше распоряжение, хотя и без права публикации. Работа с его материалами, происходившая намного позже, дала нам уникальную возможность ознакомиться с состоянием русского языка на Аляске в 1980-е гг., когда носителей было гораздо больше и они пользовались языком в значительно более разнообразных коммуникативных ситуациях.

Важную работу по документации русского языка на Аляске провел американский лингвист У. Лиман, происходящий по отцу из русской семьи (Нинильчик), но сам русским языком как родным не владеющий (он является специалистом по алгонкинскому языку шайенн). Лиман собрал некоторый лексический материал, который он и предоставил в наше распоряжение, поскольку его обработка и публикация требовали участия лингвистов, знающих русский язык. Наша совместная работа в ходе экспедиций 2012–2017 гг. оказалась весьма плодотворной, она привела к существенному пополнению и уточнению базы данных словаря, а также повышению качества звуковых фрагментов словарных статей.

В 2009 г. российский лингвист, известный специалист по алеутским языкам Е.В. Головко также побывал в д. Нинильчик, кроме того, он записал интервью с последними носителями аляскинского русского на о. Кадьяк [7].

Другие, более ранние, исследования русского языка Аляски были осуществлены авторами данной статьи. В 1997 г. мы провели в деревне Нинильчик первое (после визита Конора Дейли в 1980 г.) пилотное лингвистическое исследование. В ходе него были собраны лексические и текстовые материалы, установлены некоторые существенные характеристики

этого русского идиома, отличающие его от других региональных вариантов и диалектов [6, 8, 9]. Материалы для именного словаря демонстрируют значительное совпадение лексики со стандартным русским (75–80%), но вместе с тем были выделены категории имен, отличающихся по одному или нескольким параметрам (семантика, форма, источник заимствования и др.) от единиц современного литературного языка – см. (7):

(7) *d'ósna* ‘челюсть’, *táska* ‘рюкзак’, *róbr'ik* ‘погреб’, *gr'imón'chik* ‘тармоны’, *kazná* ‘рысь’, (заимствование из денайна), *n'ún'ik* ‘дикообраз’ (заимствование из алютик), *rababútsi* ‘резиновые сапоги’ (заимствование из английского)

Когда в 2012 г. нам удалось вернуться в Нинильчик для проверки и пополнения имеющихся материалов, то необходимость закончить работу над словарем как можно быстрее стала очевидной. Многих наших прежних информантов уже не было в живых. К настоящему моменту нинильчикский русский представлен примерно двадцатью носителями. Наши основные информанты в прошлом и сегодня – это Леонтий Квасников (Louie Kwasnikoff) (†), Харитон Лиман (Harry Leman) (†), Арни Осколков (Arnie Oskolkoff), Николай Лиман (Nick Leman) (†), Елизавета Портер (Betty Porter), Сесил Демидов (Cecil Demidoff) (†), Иосиф Лиман (Joe Leman), Соломонида Лиман (Selma Leman), Павел Осколков (Paul Oskolkoff) (†), Николай Купер (Nick Cooper). Именно им и их любви к родному языку мы обязаны тем, что уже существует версия словаря русского языка деревни Нинильчик для широкого пользователя и что у нас есть ещё возможность довести эту работу до конца, создав, в первую очередь, мультимедийный интерактивный словарь современного состояния аляскинского русского языка.

Выпущенный в 2017 г. словарь Нинильчикского русского языка (Dictionary of Ninilchik Russian) (см. [10]), вобрал в себя как материалы предыдущих экспедиций, так и данные, полученные в результате экспедиций 2012–2017 гг. Описывающие словарь вспомогательные материалы и сама его реализация произведены на английском языке и на базе латинского алфавита, так как аудитория этой версии словаря не знает русского языка и не владеет кириллическим письмом. В (6) с сохранением формата представлены три словарных статьи словаря, доступного как в печатном, так и в электронном вариантах:

(8) *askl'íska* *adv.* slippery, icy. *variant* *skl'íska*. *See:* *kl'ískay*; *l'ot*.

astáfk'i *n.* cloth pieces; remains. *singular* *astáfka*; *variant* *astátk'i*. *See:* *kusóchik*.

astalóp *n.* silly, clumsy and stupid person; nerd. *M'in'á mnóga raz astalóp naz'iwál'i* ‘I was many times called nerd’. *Kazhí shamán'il – astalóp* ‘When you were mischievous – (you were called) nerd’.

С другой стороны, поскольку нашей целью является создание полноценного, лингвистически корректного продукта, использование фонематического письма на основе романских букв позволяет не упустить фонетическую специфику русского языка деревни Нинильчик начала XXI в.

Последние находки экспедиции 2017 г.

В рамках экспедиции 2017 г., в которой помимо авторов данной статьи принимала участие М.К. Раскладкина, нами были поставлены и отчасти решены следующие задачи:

- выявление латентных носителей 60–70-летнего возраста, не пользующихся русским языком, но фактически владеющих им;
- снятие вопросов по ранее зафиксированным лексическим единицам словаря;
- семантический и грамматический анализ местоимений, частиц, фразовых единиц;
- создание фонетических записей для тех словарных единиц, для которых в предыдущих записях отсутствовал качественный аудиофайл;
- сбор лингвокультурных комментариев к словарным и фразовым единицам;
- фиксация языковых изменений (в грамматике, в речевой компетенции носителей) со времени первых записей нинильчикского диалекта (К. Дели, 1980-е гг.);
- целенаправленный сбор дискурса, в результате которого нам впервые удалось получить рассказы о детстве, школе, жизни в семье, праздновании церковных праздников.

Кроме того, в дополнение к основной работе в д. Нинильчик авторами было предпринято пилотное исследование распространения аляскинского русского за пределами Нинильчика. На основании анализа источников [11] мы совершили поездку в пос. Нанвалек, где проживают представители эскимосской этнической группы алютик, одновременно являющиеся потомками русских, и где до недавнего времени звучал аляскинский русский. Получены совершенно новые социолингвистические и языковые данные о распространении русского языка и культуры в отдаленных поселениях эскимосов залива Кука. Здесь тоже проявился «нинильчикский след», поскольку тремя из четырех русскоговорящих креолов в пос. Нанвалек в середине XX в. являлись Джон Квасников (John Kwasnikoff) и его дети Альма (Alma) и Сарж (Sarj) Квасникова – представители одной из первых семей, поселившихся в середине XIX в. в Нинильчике. Отзвуками жизни аляскинского русского языка можно считать и процветающую православную общину в Нанвалеке со своей церковью, в которой их потомки (практически все 300 человек, составляющие население Нанвалека), в том числе маленькие дети, поют гимны на русском языке, и уважительную память о Николае Мунине (Nicholas Moonin), духовном лидере общины на протяжении многих лет. Он был тестем Саржа Квасникова, а его внучки, сестры Паулина, Кэти, Сэлли (Pauline, Cathy, Sally) – все бывшие учительницы местной школы, помнят, как отец и дед обменивались русским приветствием – *kak d'ilá star'ik*. Это плюс несколько строк из детских стишков «Ладушки» и «Чижик-Пыжик» сохранилось в их памяти и представляет собой последние свидетельства существования аляскинского русского среди потомков эскимосского этноса алютик (сугпиак).

Фото 4. Церковь в пос. Нанвалек – вид снаружи

Фото 5. Церковь в пос. Нанвалек – вид изнутри

Заключение

Что предопределило особую судьбу аляскинского варианта русского языка? На обширном пространстве Сибири и Дальнего Востока зафиксированы разнообразные формы языковых контактов. Современный представитель аляскинского русского – русский язык деревни Нинильчик, нинильчикский русский – образует полноценный, хотя и исчезающий на наших глазах русский диалект.

Он обладает собственной фонемной системой, практически обязательной палатализацией согласных перед /i/, особой просодией, отличающимся от современного языка интонационным контуром. Ему присущи особые грамматические черты: измененная падежная система, отсутствие грамматического рода у существительных, особые правила согласования и отличная от стандартного русского система видовых противопоставлений. В области словаря его характеризуют значительное число диалектных (в том числе социолектных и устаревших) лексем, восходящих к разным диалектным группам континентального русского, а также наличие слов и фразем, возникших в период самостоятельного развития. В настоящий момент русский язык, еще используемый в Нинильчике, характеризуется высокой степенью индивидуального варьирования, контекстно обусловленным смешением кодов, но по-прежнему выполняет важную роль культурной самоидентификации его носителей и их потомков.

Важно, что он принадлежит семье русских диалектов и представляет собой один из многочисленных вариантов существования русского языка. Было бы странно считать нинильчикский русский «неправильным» или «недоразвитым» языком (одно из распространенных заблуждений жителей Нинильчика, которое сильно осложняет работу лингвистов, говорящих на «правильном» русском языке). Наоборот, нинильчикский русский обладает особенной ценностью, поскольку в течение многих десятилетий он развивался без всякого контакта с основной массой носителей русского языка, поэтому сохранил много черт языка XIX в. и до недавнего времени (до 70-х гг. XX в.) ассоциировался с языком православного богослужения.

Сегодня у нас есть все основания утверждать, что русский язык Нинильчика – это сохранившийся фрагмент аляскинского русского. Несмотря на то, что носители русского языка были в абсолютном меньшинстве, что после 1867 г. были отделены от общерусской ойкумены, они сохраняли свой язык на протяжении нескольких поколений. И спустя более чем пол века после начала его умирания, уже в наши дни, поколение, которое не говорило в детстве по-русски, сохраняет память о нём как драгоценный культурный артефакт. Именно их интерес к собиранию, сохранению и передаче следующим поколениям своего культурно-языкового наследия помогает открывать его для международного научного сообщества.

Литература

1. Корсун С.А. Русское наследие на Аляске // Кунсткамера: Этнографические тетради, 2003. Вып. 13. С. 57–69.
2. Бергельсон М.Б. Нarrативы в культуре северных атабасков // Материалы Междунар. конф. «Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия отечественных исследователей в международном контексте. К 200-летию со дня рождения русского путешественника, морского офицера, общественного деятеля Л.А. Загоскина». Рязань, 2008.
3. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое изд-во, 2004. 292 с.
4. Перехальская Е.В. Русские пиджины. СПб. : Алетейя, 2008. 363 с.

5. *Slavica Helsingiensia* 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova, Nikolai Vakhtin. Helsinki, 2010. 457 p.
6. Bergelson M., Kibrik A. The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia* 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. P. 299–313.
7. Головко Е.В. Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities. От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки: Экспедиционные этюды в честь Елены Всеиволодовны Переходальской / отв. ред. В.Ф. Выдрин, Н.В. Кузнецова. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 141–154.
8. Кибрік А.А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик // Язык. Африка. Фульбе. М. ; СПб., 1998. С. 36–52.
9. Bergelson M., Kibrik A. Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. Over the Near Horizon. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America // Sitka Historical Society. 2013. P. 217–227.
10. Dictionary of Ninilchik Russian: 2017 version. Mira Bergelson, Andrej A. Kibrik, Wayne Leman, Marina Raskladkina. Anchorage : Minuteman Press, 2017. 142 p.
11. Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U.S. rule. Fairbanks University of Alaska Press, 2008.

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE COOK INLET AREA: SELF-IDENTIFICATION IN THE SITUATION OF CULTURAL ISOLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 29–41. DOI: 10.17223/19986645/54/2

Mira B. Bergelson, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mbergelson@hse.ru

Andrej A. Kibrik, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: aakibrik@gmail.com

Keywords: Russian language, Alaska, documentation, endangered languages, cultural self-identification, creolization.

Ninilchik Russian is a unique variety of the Russian language. The authors believe it is a remnant of Alaskan Russian – a language that emerged at the end of the 18th century as a result of Russian colonial presence in Alaska and served as a means of communication in Russian America until the end of the Russian period in 1867. By that time Alaskan Russian became the native language for the people of mixed Russian/Native origin (Creoles) residing in various parts of Alaska. As a result, some varieties of Alaskan Russian kept developing and serving as a means of communication, creating and maintaining cultural identity of local communities long after the “Russian period”. Ninilchik was one such places and, due to many factors combined, became a major location where this linguistic variety survived till the beginning of this century.

It is obvious that in Russian colonial times some forms of Russian were spoken in every place where Russian presence was noticeable. What is not obvious and demands special research is proving that at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries there existed a lingua franca which emerged as a result of contact between Russian and the indigenous languages of Alaska. The authors believe that this lingua franca was a specific variety of the Russian language of that time. At the beginning of the 21st century, we can only glimpse that variety by the “iceberg tip” in the form spoken by representatives of the Ninilchik community. This situation is like what archaeologists face when they reconstruct a culture from the presently available remnants. In this paper, The authors provide new data from their 2017 field-work including two stages of the creolization/de-creolization process: Alutiiq-Russian bilingualism and Russian monolingualism.

Contacts between the Alutiiq population around the Kenai Peninsula and the Russian-speaking Ninilchik residents continued up to the 20th century; in such communities as Nan-

walek and Port Graham Russian was spoken until recently. As always in the case of sparsely populated areas, the role of individuals and specific circumstances would have crucial impact on the linguistic choices in the community. The authors explored such an individual case in Nanwalek.

In exploring the Russian monolingual stage of Alaskan Russian, The authors pay attention to the fact that the so-called “Russian” population of Russian America represented many regional, social and ethnic groups, which influenced the development of Alaskan Russian, its resulting form, and its significant variation among families and individuals.

The second, less discussed, but probably even more important fact is that Alaskan Russian has always existed as an oral language. For a number of years crucial to its development Ninilchik Russian did not experience any influences of any kind from written languages: it was a monolingual community where the overwhelming majority was illiterate.

References

1. Korsun, S.A. (2003) Russkoe nasledie na Alyaske [Russian heritage in Alaska]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradи*. 13. pp. 57–69.
2. Bergelson, M.B. (2008) [Narratives in the culture of northern Atabasques]. *Lavrentiy Alekseevich Zagoskin i issledovaniya Russkoy Ameriki. Ekspeditsii i puteshestviya otechestvennykh issledovateley v mezhdunarodnom kontekste. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya russkogo puteshestvennika, morskogo oficera, obshchestvennogo deyatelya L.A. Zagoskina* [Lavrenty Alekseevich Zagoskin and the study of Russian America. Expeditions and travels of Russian researchers in the international context. To the 200th anniversary of the birth of L.A. Zagoskin, a Russian traveler, naval officer, public figure]. Proceedings of the International Conference. Ryazan: [s.n.]. (In Russian).
3. Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. & Shvajcer, P. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-consciousness]. Moscow: Novoe izd-vo.
4. Perehval'skaya, E.V. (2008) *Russkie pidzhiny* [Russian pidgins]. St. Petersburg: Alteyya.
5. Mustajoki, A., Protassova, E. & Vakhtin, N. (eds) (2010) *Slavica Helsingiensia 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
6. Bergelson, M. & Kibrik, A. (2010) The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. In: Mustajoki, A., Protassova, E. & Vakhtin, N. (eds) *Slavica Helsingiensia 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
7. Golovko, E.V. (2014) Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities. In: Vydrin, V.F. & Kuznetsova, N.V. *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki: Ekspeditsionnye etyudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambaluma, from the Varangians to the Greeks: Expedition studies in honor of Elena Vsevolodovna Perekhvalskaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
8. Kibrik, A.A. (1998) Nekotorye foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo dialektka derevni Ninilchik [Some phonetic and grammatical features of the Russian dialect of the village Ninilchik]. In: Vydrin, V.F. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyk. Afrika. Ful'be* [Language. Africa. Fulbe]. Moscow; St. Petersburg: Evrop. dom.
9. Bergelson, M. & Kibrik, A. (2013) Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. Over the Near Horizon. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America. *Sitka Historical Society*. pp. 217–227.
10. Bergelson, M., Kibrik, A.A., Leman, W. & Raskladkina, M. (2017) *Dictionary of Ninilchik Russian: 2017 version*. Anchorage: Minuteman Press.
11. Luehrmann, S. (2008) *Alutiiq villages under Russian and U.S. rule*. Fairbanks University of Alaska Press.